

УДК 323.14

Пётр ОСКОЛКОВ

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВЫЕ: В ПОИСКАХ ДРУГОГО

Аннотация. В статье рассмотрен феномен мультикультурализма с точки зрения различных подходов (динамического и статичного) к его пониманию и содержащихся в практике его применения противоречий (отсутствие целостной стратегии, противоречие между индивидуальными и коллективными правами, культурализация социальных противоречий). Анализируется использование критики мультикультурализма правопопулистскими партиями и идентитарными движениями в контексте эксплуатации ими негативного образа миграции и образа мигранта как значимого Другого. Показано, что, поскольку популизм опирается на эксплуатацию сюжетов, вызывающих эмоциональный отклик у аудитории, антииммиграционный дискурс чрезвычайно актуален для правопопулистской риторики. Изучены противопоставляемые мультикультурализму конспирологические мифы о “великом замещении” и “Еврабии”, а также альтернативная теория этноплюрализма или этнодифференциализма, используемая европейскими “Новыми правыми”, а вслед за ними – правыми популистами и идентитаристами, для оправдания тезиса о необходимости развития всех культур, но в рамках различных обществ. Автор приходит к выводу, что, несмотря на существующие противоречия, мультикультурализм остаётся наиболее эффективной стратегией этнополитического менеджмента, которая будет вступать в противоречие с правопопулистским и идентитарным дискурсом в силу самого наличия инокультурных мигрантов в странах Европы.

Ключевые слова: мультикультурализм, этноплюрализм, “Новые правые”, правый популизм, идентитарное движение, “великое замещение”, Еврабия, значимый Другой.

Идея мультикультурализма и её критика

Концепт мультикультурализма занимает особое место в “социальной мифологии” стран Европы и Северной Америки. Несмотря на то что ряд ведущих европейских политиков заявил о “провале” мультикультурной стратегии интеграции иммигрантов (федеральный канцлер Германии Ангела Меркель в 2010 г., премьер-

© **Осколков Пётр Викторович** – научный сотрудник, Отдел исследований европейской интеграции Института Европы РАН; старший преподаватель факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова; преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11-3. **E-mail:** p.oskolkov@inno.mgimo.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320198391>

министр Великобритании Д. Кэмерон и президент Франции Н. Саркози в 2011 г.), мультикультурализм как идея и практика по-прежнему выступает одним из конституирующих элементов современного либерального дискурса. Классики мультикультурализма, что логично, расположены в русле преимущественно англоязычной литературы – У. Кимлика, Ч. Кукатас, Б. Парех. В России к этому явлению обращались такие авторы, как А.В. Веретевская, А.И. Тэвдой-Бурмули, В.С. Малахов. Как правило, исследователям удаётся уйти как от однозначно комплиментарного, так и от негативного понимания мультикультурализма, чего не скажешь о публицистах и журналистах. Тем не менее в научной среде не утихают споры о природе и возможностях применения этого феномена.

У. Кимлика определил мультикультурализм как “политику признания гражданских прав и культурной идентичности этнических меньшинств” [цит. по: Тэвдой-Бурмули, 2011: 15]. Ч. Кукатас разделял мультикультурализм на “мягкий” и “жесткий”, что более целесообразно перефразировать как пассивный (предполагающий отсутствие ассимиляционных мер со стороны государства) и активный (предполагающий некую специализированную государственную политику мультикультурной интеграции) [Кукатас]. В случае любой из указанных трактовок необходимо разделять мультикультурность, как статичную характеристику, присущую в той или иной степени большинству современных обществ, и мультикультурализм – как динамическую политику государства и общественных групп. Некоторые исследователи обозначают эту дихотомию, как “демографический” мультикультурализм (т.е. само наличие множества этнокультурных групп в единой политике) и “политический” мультикультурализм (некая политическая программа) [Citrin и др., 2014: 1532]. Возникнув в 1960-х годах как один из возможных ответов на вызов необходимости управления поликультурным обществом в Канаде, мультикультурализм за короткое время трансформировался в один из наиболее действенных политических мифов, используемых либеральной демократией. Безусловно, реализация мультикультурной стратегии не лишена национальной специфики в каждом конкретном случае, но всё же основные характеристики современной европейской и американской практики этнополитического менеджмента по отношению к иммигрантским общинам остаются схожими. При этом, изначально предназначавшийся для регулирования этнополитических рисков в условиях взаимодействия автохтонных этносов, мультикультурализм, столкнувшись с вызовами аллохтонной, инокультурной миграции, не смог избежать ряда “ловушек” и существенных расхождений декларируемых принципов с практическим воплощением.

Так, А.В. Веретевская отмечает, что в странах Западной Европы широко декларируемый мультикультурализм никогда не представлял собой стратегию, направленную на открытие политической системы для иммигрантских групп [Веретевская, 2018: 56], ограничиваясь отдельными уступками общественной и культурной гетерогенности и таким образом не решая главную проблему мультикультурных обществ – проблему равноправного политического участия. Можно сказать, что мультикультурализм сам по себе является порождением популистской стратегии ряда правительств, желающих путём зримой гетерогенизации удовлетворить общественный запрос на интеграцию иммигрантов, при этом не создавая никаких системных и институциональных рамок для интеграции во всех сферах обществен-

Современная Европа, 2019, №3

ной деятельности. При этом мультикультурализм в его современном виде является следствием того, что В.А. Тишков называет “принципом группизма” [Тишков, 2003: 248] (который критикует и Р. Брубейкер): в представлении идеологов господствующей ныне в европейском политическом пространстве формы мультикультурализма, этничность и этнокультура ограничиваются конкретными группами, которым необходимо предоставлять соответствующие преференции и которые не могут выходить за пределы этих групп, что совершенно ошибочно и ведёт, в том числе, к упомянутой “неполноценности” европейских мультикультурных практик. Отсюда вытекает и одно из явных противоречий мультикультурализма: либеральный принцип индивидуальных прав личности вступает в противоречие с принципом прав социокультурных групп [Тэвдой-Бурмули, 2018: 88]. Логически, мультикультурализм ведёт также и к тому, что В.С. Малахов именуется “культурализацией социального” [Малахов, 2007: 157]: социальные проблемы трактуются сквозь призму этнокультурной инаковости, “конфликты интересов истолковываются... как конфликты происхождения” [Малахов, 2007: 158], что ни в коей мере не способствует их решению, а часто и усугубляет их. Один из ведущих теоретиков мультикультурализма и феминизма Сейла Бенхабиб даже считает, что подобная аберрация может вести “к подчинению моральной автономии личности движениям, выступающим за коллективную идентичность” [Бенхабиб, 2003: 63], что явно не входит в намерения либеральных политиков, выступающих за мультикультурные идеалы.

Тем не менее сложно отрицать, что мультикультурализм, несмотря на все вскрывшиеся недостатки, стал одним из возможных и наиболее распространённых способов регулирования этнополитических рисков. Перефразируя У. Черчилля, мультикультурализм – не лучшая стратегия этнополитического менеджмента, если не считать всех остальных.

Мультикультурализм и образ Другого

Постулируя необходимость смешения и взаимообогащения (но не ассимиляции) культур, мультикультурализм неизбежно стал мишенью для критики справа. Политический консерватизм не мог допустить превращения “плавильного котла” в “миску с салатом”. И здесь мы затрагиваем другую ключевую тему правого и праворадикального дискурса – образ Другого.

Один из ключевых методологических приёмов социального конструктивизма – идентификация “значимого Другого” (significant Other). О.Ю. Малинова определяет Другого как “внешнюю по отношению к Я группу, в диалогическом сопоставлении с которой осуществляется идентификация Я” [Малинова, 2017: 661]. Вопрос о том, насколько тот или иной Другой действительно “значим”, в большинстве случаев остаётся дискуссионным. Однако Другой, принадлежащий к другой культуре и цивилизационному ареалу, всегда блистал своей инаковостью. На значимость дихотомии “мы – они” обращал внимание, в частности, советский историк Б.Ф. Поршнев [Поршнев, 1966: 64–66]. Один из наиболее действенных механизмов идентификации “Мы” – противопоставление с “Они”. Они – другие, не такие, как мы, имплицитно – “не такие, как надо”. М. Фуко писал: “Безумец – это другой по отношению к другим людям: другой (в смысле исключения) среди других (в смысле обще-

Современная Европа, 2019, №3

го правила) <...>. Безумец – воплощение чистого различия, чужой *par excellence*” [Фуко, 2010: 219–222]. В контексте современного “Западного мира” слово “безумец” спокойно можно было бы заменить на “инокультурный иммигрант” – значимость этого Другого для общества сейчас намного больше.

Альтернативным мультикультурализму мифом всё чаще становится теория “великого замещения” (“great replacement”) – одно из наиболее влиятельных конспирологических построений последних лет. Теория подразумевает запланированную и последовательно осуществляемую “злонамеренными элитами” (национальными либо транснациональными) замену коренного населения Европы на инокультурных иммигрантов в целях устранения “неудобных” европейских народов и обеспечения поддержки своих идеологических программ. Авторство теории “великого замещения” обычно приписывается французскому писателю Рено Камю (Renaud Camus), который ввёл это словосочетание в оборот в 2012 г. в одноимённой книге. Стоит, однако, иметь в виду, что эксплицитно данных конспирологических идей придерживаются далеко не все европейские правые; тем более не позволяют себе подобные высказывания формальные лидеры правопопулистских партий, дабы не быть обвинёнными в конспирологизме. Откровенная поддержка идей Камю и иных сторонников “замещения” на данный момент остаётся уделом либо маргинальных движений, либо рядовых членов и избирателей правопопулистских партий. Имплицитно, однако, антииммиграционная риторика подразумевает и потенциальную возможность существования подобного “заговора”. Иногда употребляющееся как синоним немецкое понятие *Umvolkung* (буквально “замещение народа”, также иногда “этноморфоз”) имеет иные коннотации, будучи активно употребляемым в построениях теоретиков немецкого национал-социализма как одна из стратегий расширения “жизненного пространства” (*Lebensraum*) немецкого народа.

Израильская исследовательница Бат Йеор (Bat Ye’Or) пришла к выводу, что якобы страны Европейского союза, в стремлении избежать повторения экономического кризиса 1973 г., заключили соглашение в 1970-е гг. с арабскими государствами о фактической экстерриториальности граждан последних в Европе (наряду с проведением пропалестинской политики и последовательной делегитимизацией Государства Израиль) [Ye’Or, 2005: 65]. Так возникла теория “Еврабии”, периодически возвращающаяся к нам в дискурсе некоторых правопопулистских идеологов и даже авторов, формально не аффилированных с тем или иным идеологическим лагерем (О. Фаллачи, М. Уэльбек).

С появлением теории “великого замещения” иррациональный страх Другого, во-первых, приобретает квазирациональное обоснование, во-вторых, позволяет расширить его до радикального антиэлитизма, служащего одной из наиболее питательных почв для правопопулистских партий и движений. Опасность подобных теорий для граждан, чья первоначальная политическая социализация проходит именно в русле конспирологических идей, убедительно продемонстрирована трагедией, произошедшей в Новой Зеландии: террорист Брендон Таррант, расстрелявший прихожан двух мечетей в городе Крайстчёрч, незадолго до своего преступления опубликовал манифест, который так и назывался – “Великое замещение”.

Мультикультурализм, этноплюрализм, правый популизм: кто лишний?

Правый популизм мы уже определяли в более ранних работах как политическую стратегию, сочетающую национализм, антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить “нарушителей” гомогенности) и самоотождествление с народной волей, направленную на достижение электоральных успехов [Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018: 21]. Из подобного определения становится ясно, что популизм не является самостоятельной идеологией – это лишь стратегия, направленная на максимизацию электоральных результатов, “хрустальная туфелька”, как назвал его П.-А. Тагиефф, которую можно примерить к любому идеологическому конструкту. Популизм воплощается в качестве полноценной идеологии, только соединяясь с “большими” идеологиями, представляемыми той или иной классической либо неклассической идеологической семьи. В качестве такой идеологии правый популизм избирает комбинацию с национализмом.

Популизм в силу своей природы, подразумевающей максимально “прямое”, в духе афинской демократии, обращение к представляемому им как гомогенному народу, апеллирует к “горячим” проблемам (hot issues), способным вызвать мощный эмоциональный отклик. Проще говоря, популизм всегда эксплуатирует массовые страхи. Страх Другого, мигранта в нашем случае – один из вечных страхов, которые есть в любом обществе. О значимости этого страха говорят цифры: согласно исследованиям Pew Research Center, в 2016 г. 43% европейцев говорили о негативном отношении к мусульманам, подразумевая, в первую очередь, иммигрантов третьей волны из мусульманских государств [Wike и др., 2016: 10].

Эксплуатация страха Другого очевидна в дискурсе правопопулистских лидеров. Один из руководителей бельгийской партии “Фламандский интерес” Филип Девинтер назвал главы своей “программной” книги “Иммиграционное вторжение: новая колонизация” следующим образом: “Снежный ком иммиграции”, “Бельгия или Бельгистан?”, “Фламандцы – меньшинство в собственной стране?”, “Ислам против Европы”, “Мусульманское насилие”, “Исламизация образования” [Dewinter, 2012]. Одна из глав не так давно изданной на русском языке столь же “программной” книги Марин Ле Пен “Во имя Франции” называется “Иммиграция как экономическое и культурное наступление глобализма” [Ле Пен, 2016]. Депутат от партии “Альтернатива для Германии” Ульрика Шильке-Цизинг выступила в Бундестаге с речью, позднее озаглавленной “Никакой иммиграции в наши социальные системы” [Keine Einwanderung...]. Тони Бруннер, депутат Национального совета Швейцарии от Швейцарской национальной партии, утверждает, что “Швейцария потеряла возможности контроля и управления иммиграцией” [Brunner, 2011]. Примеров можно привести много.

Как к одному из способов негативного фреймирования образа иммигрантов, правопопулистские партии часто прибегают к визуализации. Здесь уместно вспомнить знаменитую серию плакатов, изображавшую местное сообщество как группу белых овец, изгоняющих из своего стада чёрную овцу (на некоторых плакатах видно, что чёрная овца предварительно совершила некий деликт – вероятно, покусилась на

жизнь одной из белых овец). Эта серия предвыборных плакатов Швейцарской народной партии оказалась настолько успешной, что её использовала в своих кампаниях и Австрийская народная партия. В качестве объектов негативного фреймирования выступают также иностранный акцент и подчёркнутая инородность элементов мусульманского быта (минареты, бурка, Коран). “Национальный фронт” Франции (ныне – “Национальное объединение”) известен, в том числе, предвыборными плакатами 2010 г. “Нет – исламизму”, на которых женщина в бурке стоит на фоне карты Франции, окрашенной в цвета флага Алжира и усеянной минаретами. Нетрудно заметить, что доминируют послы не о социально-экономических опасностях, которые может принести иммиграция, а именно об опасности этнокультурного “вторжения инородцев”.

Таким образом, мультикультурализм как правительственная стратегия интеграции мигрантов становится удобной мишенью правопопулистских партий, которая, вместе с упомянутой ранее конспирологической теорией “великого замещения”, позволяет подвести теоретическую базу под страх иммиграции и её секьюритизацию. Хорошо сочетается критика мультикультурализма и со свойственным правым популистам антиэлитизмом: по представлениям, формируемым правопопулистским дискурсом, социал-демократические и леволиберальные правительства целенаправленно проводят соответствующую стратегию, чтобы “размыть” традиционную европейскую идентичность.

Интересный пример эксплуатации правыми популистами страха перед мигрантами – их реакция на подписание рядом правительств Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Марракешского пакта), который был утверждён 10 декабря 2018 г. Бельгийская правопопулистская партия “Новый фламандский альянс” в знак протеста против подписания договора премьер-министром страны Ш. Мишелем покинула правительство (и впоследствии заблокировала работу “временного правительства”), массовые выступления прошли во Франции, в Эстонии и многих других европейских странах, в очередной раз показав по-прежнему большой потенциал секьюритизации угроз, связанных с миграцией. Один из лидеров Эстонской консервативной народной партии, ныне вошедшей в правительство Эстонии, М. Хельме заявил, что “Марракешский договор – это сплетённый за спинами монациональных государств заговор, стремящийся вопреки конституционному порядку превратить нас в пункт назначения для иммиграции. Это основательная программа по ликвидации монациональных государств и поощрению мультикультурализма (*sic!*)” [EKRE собирает...].

Однако вето должно быть конструктивным. Взамен евроинтеграции правый популизм предлагает “Европу наций”, взамен либеральных этических ценностей – “традиционную христианскую семью”. Правая альтернатива мультикультурализму – этноплюрализм (или этнодифференциализм). Это учение выросло в рамках наследия французских “Новых правых” – группы GRECE (Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne, “Группа исследований европейской цивилизации”). Одним из наиболее последовательных адептов этноплюрализма стал Аллен де Бенуа (что, среди прочего, послужило поводом к его разрыву с другим “патриархом” “Новых правых” – Гийомом Фаем, которому тезис о равнозначности культур оказался не близок). Именно у де Бенуа мы читаем: “Защита укоренённости в традиции – одновременно защита разнообразия. Перед лицом тех, кто хочет создать единый, одномерный мир, нужно снова утвердить легитимность различий.

Современная Европа, 2019, №3

То есть легитимность идентичностей, которые были бы не только индивидуальными, но прежде всего коллективными” [Де Бенуа, 2009: 14]. Очередной любопытный парадокс: если применительно к мультикультурализму принцип группизма и коллективных прав рассматривается как нежелательный побочный эффект, то этноплюрализм как раз и рассматривает его как желанную цель. Примечательно, что в “споре о хиджабе”, общественной дискуссии относительно права носить видимые религиозные атрибуты и религиозную одежду в публичных местах, которая разгорелась во Франции в конце 1990-х гг., “Новые правые” заняли лагерь сторонников “разрешения хиджабов” [Хлебников, 2019: 253] – в полном соответствии с декларируемыми де Бенуа принципами. Сторонники этноплюрализма обвиняют адептов мультикультурализма как раз в антидемократическом обезличивании этнокультурных групп, в то время как сами они формально выступают за абсолютизированное “право на инаковость”, право каждого этноса на сохранение идентичности, понимаемое как право оставаться замкнутыми и отделёнными друг от друга сообществами. Делается важная оговорка: подобные права должны реализовываться сугубо в рамках “своего” общества, и каждая этния должна развиваться в рамках собственного географического ареала. При этом “смешение культур” рассматривается как “интеллектуальная”, а то и биологическая, “смерть человечества” [Shekhovtsov, 2009: 446].

Таким образом, генезис этноплюрализма, основанный на идеях расовой гигиены, принципиально иной, чем генезис мультикультурализма, “вышедшего” из либеральной политической мысли. Иное происхождение позволяет ему избежать “родовых травм” последнего, но и одновременно несёт в себе собственные противоречия, от которых избавиться так же сложно. Самые поверхностные вопросы, которые приходят в голову: означает ли реализация этноплюралистических идей немедленную депортацию уже находящихся в стране и натурализованных мигрантов? Как подобные меры могут сочетаться с многочисленными ссылками на “права сообществ”? Или же идеал этноплюралистов воплощают мигрантские “анклавы”, возникшие в ряде европейских городов как побочный продукт мультикультурной политики? В этом случае не служат ли этноплюрализм и мультикультурализм (в его нынешней форме) одной и той же цели? Список вопросов можно и нужно продолжить.

“Новые правые” в чистом виде сейчас не присутствуют на политической сцене, но их идейное наследие наиболее очевидно в построениях западноевропейских (прежде всего французских, бельгийских, нидерландских и германских) правопопулистских партий. Также на идеи “Новых правых” опирается панъевропейское идентитарное движение (не принявшее пока партийной формы), основной институциональный компонент которого – французское движение “Идентитарное поколение” (“Génération Identitaire”). Именно эти партии и движения сейчас в наибольшей степени противодействуют мультикультуралистскому дискурсу, предлагая в качестве необходимой альтернативы декларируемый этноплюрализм. Так, нидерландский правый политик Тьерри Бодэ в эпилоге к своей книге (основанной на диссертации PhD, защищённой в Лейденском университете) призвал к “мультикультурному национализму”: этот концепт хотя и несколько отличается от этноплюралистских построений, делая акцент на сохранении некой “основной национальной идентичности” у множества этнических групп, населяющих то или иное государство [Baudet, 2017: 346], идеологическая преемственность от “Новых правых” практически очевидна.

Основные выводы

Несмотря на все заключённые в себе противоречия, мультикультурализм, понимаемый как серия политических мер, направленных на интеграцию мигрантов, остаётся на настоящий момент наиболее эффективной стратегией этнополитического менеджмента. В силу своей тесной дискурсивной сопряжённости с иммиграцией, прежде всего инокультурной, данная стратегия по-прежнему уязвима для критики со стороны правых популистов и идентитаристов, способных, как им кажется, предложить альтернативную концепцию этноплюрализма, не менее уязвимую в концептуальном плане. Поскольку популистская стратегия основана на эксплуатации общественных страхов, а страх Другого – один из базовых, присущих любому обществу, мультикультурализм и идеи правопопулистских/праворадикальных движений будут вступать в противоречие до тех пор, пока существует объект их спора – инокультурные мигранты в Европе.

Список литературы

- Бенхабиб С. (2003) *Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру*, Логос, Москва, Россия, 350 с.
- Веретевская А.В. (2018) Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе), *Вопросы философии*, № 5, с. 52–64.
- Де Бенуа А. (2009) *Против либерализма: к четвёртой политической теории*, Амфора, Москва, Россия, 480 с.
- Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. *InLiberty*. URL: <http://old.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylyzma>.
- Ле Пен М. (2016) *Во имя Франции*, Кучково поле, Москва, Россия, 287 с.
- Малахов В.С. (2007) *Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме*, Новое литературное обозрение, Москва, Россия, 200 с.
- Малинова О.Ю. (2017) Дискурсивное использование Другого, *Идентичность: личность, общество, политика*, Весь Мир, Москва, Россия, С. 661–665.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала, *Вестник Пермского университета*, Серия “Политология”, № 3, с. 19–33.
- Поршнев Б.Ф. (1966) *Социальная психология и история*, Наука, Москва, Россия, 232 с.
- Тишков В.А. (2003) *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*, Наука, Москва, Россия, 544 с.
- Тэвдой-Бурмули А.И. (2011) Мультикультурализм: между панацеей и проклятием, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 14–34.
- Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) *Этнополитическая динамика Западной Европы*, Аспект-Пресс, Москва, Россия, 224 с.
- Фуко М. (2010) *История безумия в классическую эпоху*, АСТ, Москва, Россия, 704 с.
- Хлебников М. (2019) *Топор Негоро. Скитания европейских “реакционных” интеллектуалов в XX веке*, Издание книжного магазина “Циолковский”, Москва, Россия, 320 с.

References

- Baudet T. (2017) *Aanslag op de Natiestaat*, Prometheus, Amsterdam, 468 p.
- Benhabib S. (2003) *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noyu e'ru*, Logos, Moscow, Russia, 350 p.
- Brunner T. (2011) “Zuwanderung begrenzen, Schweizerische Volkspartei, 13. Mai”, available at: <https://www.svp.ch/news/artikel/referate/zuwanderung-begrenzen>.
- Citrin J., Levy M., Wright M. (2014) Multicultural Policy and Political Support in European Democracies, *Comparative Political Studies*, vol. 47 (11), pp. 1531–1557.
- De Benua A. (2009) *Protiv liberalizma: k chetyvortoj politicheskoy teorii*, Amfora, Moscow, Russia, 480 p.
- Dewinter F. (2012) *Immigratie-invasie: de nieuwe colonisatie*, Egmont, Brussel, 328 p.

- EKRE sobiraet podpisi protiv prisoadineniya k Marrakeshskomu dogovoru o migracii (2018) "Postimees. 12 noyabrya", available at: <https://rus.postimees.ee/6451354/ekre-sobiraet-podpisi-protiv-prisoadineniya-k-marrakeshskomu-dogovoru-o-migracii>.
- Fuko M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu e'poxu*, AST, Moscow, Russia, 704 p.
- Keine Einwanderung in unsere Sozialsysteme (2018) *YouTube*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=s1Z2FhT3d3k>.
- Khlebnikov M. (2019) *Topor Negoro. Skitaniya evropejskix "reakcionnyx" intellektualov v XX veke*, Izdanie knizhnogo magazina "Ciolkovskij", Moscow, Russia, 320 p.
- "Kukatas Ch. Teoreticheskie osnovy mul'tikul'turalizma. *InLiberty*", available at: <https://old.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylyzma>.
- Le Pen M. (2016) *Vo imya Francii*, Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 287 p.
- Malaxov V.S. (2007) *Ponaexali tut... Ocherki o nacionalizme, rasizme i kul'turnom plyuralizme*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 200 p.
- Malinova O.Yu. (2017) Diskursivnoe ispol'zovanie Drugogo. *Identichnost': lichnost', obshhestvo, politika*, Ves' Mir, Moscow, Russia, pp. 661–665.
- Oskolkov P.V., Te'vdoj-Burmuli A.I. (2018) Evropejskij pravij populizm i nacionalizm: k voprosu o sootnoshenii funkcionala, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Politologija"*, no. 3, pp. 19–33.
- Porshnev B.F. (1966) *Social'naya psixologiya i istoriya*, Nauka, Moscow, Russia, 232 p.
- Shekhovtsov A. (2009) Apoliteic music: Neo-Folk, Martial Industrial and 'metapolitical fascism', *Patterns of Prejudice*, vol. 43(5), pp. 431–457.
- Te'vdoj-Burmuli A.I. (2011) Mul'tikul'turalizm: mezhdru panaceej i proklyatiem, *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 4, pp. 14–34.
- Te'vdoj-Burmuli A.I. (2018) *E'tnopoliticheskaya dinamika Zapadnoj Evropy*, Aspekt-Press, Moscow, Russia, 224 p.
- Tishkov V.A. (2003) *Rekviem po e'tnosu: issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii*, Nauka, Moscow, Russia, 544 p.
- Veretevskaya A.V. (2018) Ob opasnostyax politicheskogo mifa dlya obshhestvennogo razvitiya (na primere mifa o mul'tikul'turalizme v Evrope), *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 52–64.
- Wike R., Stokes B., Simmons K. (2016) *Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs*, Pew Research Center, Washington, USA, 44 p.
- Ye'Or B. (2005) *Eurabia: The Euro-Arab Axis*, The Fairleigh Dickinson University Press, Madison, 384 p.

Multiculturalism and the European Far-Right: Looking For the Other

Author: Oskolkov P., research assistant, Department of European Integration Studies, Institute of Europe RAS; senior lecturer, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; lecturer, Department of Comparative Politics, MGIMO University. **Address:** 11-3 Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** p.oskolkov@inno.mgimo.ru

Abstract. In the article, the phenomenon of multiculturalism is analyzed through the prism of different approaches to its understanding (dynamic and static) and the contradictions its implementation often entails (the lack of a coherent strategy, contradiction between individual and collective rights, culturalization of social discrepancies). The author scrutinizes the use of multiculturalism in right-wing and identitarian movements' discourse against the background of their exploitation of a negative image of migration and a migrant as a constituting Other. The author proves that, since populism is based on exploitation of narratives that cause emotional reaction of the audience, anti-immigration discourse is extremely relevant to the right-wing populist rhetoric. The author analyzes the conspiracy myths of "great replacement" and "Eurabia" that are juxtaposed to the multicultural myth; also, the alternative ethnopluralism (ethno-differentialism) theory comes under scrutiny. The latter is invoked by the European "New Right", followed by the right-wing populists and identitarianists, to justify the necessity of the growth of all cultures in the framework of different societies. The author concludes that, in spite of the existing contradictions, multiculturalism is still the most efficient strategy of ethnopolitical management. It will inevitably come to a clash with right-wing populist and identitarian discourses because of the very presence of the immigrants with different cultural background in the European countries.

Key words: multiculturalism, ethnopluralism, "New Right", right-wing populism, identitarian movement, "great replacement", Eurabia, significant Other.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320198391>